

*Моему брату
Джонни Сарберу*

Милях в трех от меня высоко поднимался столб дыма. Густой и черный, он вырывался из машинного отделения яхты, где размещались два форсированных дизеля. На фоне постепенно темнеющего неба были хорошо видны багрово-оранжевые сполохи пламени, указывавшие на то, что пожар усиливается. Скоро огонь доберется до топливных баков, и тогда красавица яхта стоимостью в несколько миллионов долларов превратится в несколько миллионов обломков, которые рано или поздно окажутся на океанском дне.

Я тронул штурвал своего двадцатичетырехфутового катера и прибавил газ. Ветер усиливался, волны подросли до двух-трех футов, и мне пришлось отрегулировать транцевые плиты¹, чтобы немного приподнять корму. Помогло. «Бостонский китобой»² понесся по волнам в направлении терпящей бедствие яхты. Три мили я преодолел чуть больше чем за три минуты.

---

¹ Управляемые транцевые плиты — устройство на корме моторной лодки или катера, повышающее равномерность движения при волнении и облегчающее выход на глиссирование. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

² «Бостонский китобой» — тип скоростного морского катера производства одноименной компании.

Сильно кренясь на подветренный борт, двухсот-двадцатичетырехфутовая яхта «Ушел в отпуск» медленно дрейфовала по течению. В ее корме зияло больше сотни пулевых пробоин — именно по этой причине яхта потеряла ход и управление. Должно быть, одна из пуль вызвала и пожар в двигательном отсеке.

При виде многочисленных следов от пуль я понял, что Дэвид яхту догнал.

Волны с грохотом разбивались о форштевень, и морская вода потоками вливалась в двери камбуза и гостевых кают на главной палубе. По мере того как внутри корпуса скапливалась вода, корма яхты задиралась все выше, а нос, напротив, опускался. Еще немного, и она пойдет ко дну либо в результате взрыва, либо набрав в трюм слишком много океанской воды.

Я направил катер к корме яхты и пришвартовался к купальной платформе. Забросив швартовый конец на ограждение, я перепрыгнул на палубу. Там обнаружил три изорванных пулями тела. Поднявшись по винтовой лестнице на уровень выше, я обнаружил еще два труп.

И никаких следов Дэвида.

Отворив пинком дверь кубрика, я споткнулся о еще один труп. На капитанском мостике меня едва не сбил с ног поток воды, хлещущей в разбитое лобовое стекло. По-видимому, всех, кто здесь был, давно унесло за борт, и я поднялся еще на один уровень, где размещались апартаменты владельца яхты. Здесь, на богатом ковре, лежала в неловкой позе жена Виктора. В нее выстрелили три раза: похоже, Дэвид добрался до нее раньше, чем она до него. Впрочем, пистолет в ее руке оказался полностью разряжен, следовательно, сколько-то выстрелов она сделать успела, и это было плохо.

Сняв со щита в коридоре пожарный топор, я взломал двери из гондурасского красного дерева, ведущие в личную каюту владельца. Виктор лежал, скорчившись на полу. В него тоже выстрелили три раза, а потом сломали шею. Перед смертью он как следует помучился, и это было хорошо.

Палуба у меня под ногами качнулась и накренилась сильнее. Нос продолжал погружаться — теперь яхта могла опрокинуться каждую секунду, а это означало, что у меня совсем не осталось времени, чтобы отыскать Дэвида и девушек и убраться восвояси, пока яхта не утащила нас всех на дно или пока мы не взлетели на воздух вместе с топливными баками.

Скатившись по трапу вниз, я бросился к двигательному отсеку на корме, но он оказался затоплен. Развернувшись в противоположную сторону, я двинулся мимо кают экипажа и личной молельни Виктора к шпилевому отделению.

Там я нашел Дэвида.

Сначала я его услышал и только потом увидел. Воздух вырывался из его горла с таким громким хрипом, что это привлекло мое внимание. Когда я показался из-за угла коридора, он приподнял голову и улыбнулся, но засмеяться не смог. В руке Дэвид сжимал свой верный «зиг-зауэр», но затвор пистолета замер в крайнем заднем положении. Магазин был пуст, Дэвид расстрелял все патроны до последнего.

Подхватив Дэвида под мышки, я уже хотел тащить его наверх, но он отрицательно покачал головой и взглядом показал на дверь трюма.

— Там... — прохрипел Дэвид.

Из-под двери сочилась вода — трюм был затоплен. Сдвинув щеколду, я попытался отворить дверь, но она не поддавалась: слишком велико было давление скопившейся внутри воды. Топор я бросил наверх

ху, но в коридоре, который я только что миновал, был еще один пожарный щит. Вернувшись к нему, я снял с креплений небольшой ломик. Вернувшись к двери трюма, я просунул плоский конец лома в щель напротив замка и потянул изо всех сил, используя ноги как рычаг.

— И это все... на что ты способен? — Дэвид за моей спиной рассмеялся, потом поперхнулся и закашлялся, обдав меня брызгами крови. — Жми сильнее!

И я нажал, нажал изо всех сил. В конце концов дерево треснуло, замок сломался, и дверь распахнулась. Хлынувший из нее поток воды отшвырнул нас с Дэвидом к дальней стене и прижал, не давая пошевелиться, пока уровень воды в трюме и шпилевом отделении не сравнялся. Только тогда я услышал приглушенные толстым слоем воды женские крики.

Дэвид знаком показал мне на кислородный баллон с маской, висевший на стене за дверью. Рядом я увидел пояс со свинцовыми грузилами и мощный подводный фонарь. Быстро проверив регулятор, я продел руки в ремни, закинул баллон за спину, включил фонарь и, погрузившись в мутноватую воду, поплыл вдоль трапа, ведущего в темный трюм.

Внизу я обнаружил семь до смерти напуганных девушек, которые кое-как держались на воде в воздушном пузыре, образовавшемся под палубой погрузившегося носа яхты. С помощью уговоров и нескольких шуток насчет «Титаника» (боюсь, не слишком остроумных) мне удалось с грехом пополам их успокоить и заставить взяться за руки, образовав что-то вроде живой цепи. Когда все было готово, я снова нырнул, таща их за собой вверх по трапу, словно гирлянду со сисок. Завидев дневной свет, девушки немного приободрились и, выбравшись на поверхность, стали ка-

рабкаться выше — к верхней палубе, где был привязан «Бостонский китобой».

Все они были напуганы и тряслись от страха, к тому же на них не было почти никакой одежды. Но *ее* среди них не оказалось, и я снова нырнул в темный трюм. Я тщательно обыскал все его закоулки, но *ее* нигде не было, и я вернулся к Дэвиду, который, судя по его бескровному лицу, готов был отключиться каждую секунду.

— Дэвид! — Я схватил его за плечо и потряс. — Где она?!

Он что-то сказал, но так тихо, что я ничего не услышал.

— Где она?!

Дэвид покачал головой. Было видно, что слова даются ему тяжело.

— Ее... нет.

— Что значит — нет?

Дэвид разжал пальцы левой руки, и пустой флакончик из-под лекарств, выкатившись из его ладони, с плеском упал в воду. В глазах заблестели слезы.

— Она... — Он немного помолчал, словно ему не хотелось рассказывать, что случилось. — Привязала к ногам груз и...

В одно мгновение страшная картина встала передо мной во всех подробностях, хотя о них Дэвид не сказал ни слова. Но еще хуже была окончательность его слов. Окончателность и бесповоротность, после которых не оставалось никакой надежды.

Кое-как совладав с собой, я закинул руку Дэвида себе на плечо. Именно тогда я нащупал под его рубашкой входное отверстие от пули. Проведя ладонью по его груди, я обнаружил и выходное отверстие, которое Дэвид зажимал рукой. Перехватив мой вопросительный взгляд, он покачал головой. Впрочем, и без

слов было ясно: пуля вошла в спину рядом с позвоночником и, пробив тело насквозь, вышла из груди.

Кое-как заткнув выходное отверстие его промокшей рубашкой, я сунул за ремень его разряженный «зиг» и, поминутно кашляя от дыма, который с каждой минутой все плотнее заволакивал коридор, потащил Дэвида наружу — на главную палубу. Пока я его тащил, он бросил взгляд на рукоятку своего побывавшего во многих переделках пистолета и через силу улыбнулся.

— Потом вернешь его мне, — проговорил Дэвид и сразу же закашлялся. — Если бы этот пистолет мог говорить...

Разгулявшиеся волны швыряли «Китобоя» словно поплавок. Убедившись, что все семь спасенных девушек находятся на его борту, я забросил тело Дэвида на плечи и, выбрав момент, перепрыгнул на носовую площадку катера. Не устояв на ногах, я покатился по ее обшивке и свалился на дно вместе со своим грузом. Одна из девушек отвязала швартов, и я, встав к рулю, запустил двигатель и рывком перевел регулятор на полный газ. Не успели мы пройти и полмили, как позади грохнул взрыв. Мы с Дэвидом одновременно обернулись. На том месте, где только что была яхта, вспух оранжевый огненный шар, а еще через несколько мгновений бесчисленные обломки, которые только недавно были морским судном класса люкс, словно дождь, посыпались в волнующуюся воду Атлантического океана, омывающего северо-восточное побережье Флориды.

Дэвид, лежавший возле носовой переборки в луже кровавой пены, издал удовлетворенный смешок, но тут же снова закашлялся, да так сильно, что я машинально повернул круче к берегу. Спустя всего несколько секунд я вовсе заглушил двигатель, и «Кито-

бой», преодолев по инерции последние двадцать ярдов, ткнулся носом в песчаный берег тропического рая, который Дэвиду уже не суждено было увидеть.

Дышал он с огромным трудом. Ноги совершенно не слушались, так что мне оставалось только удивляться, как он до сих пор жив. Впрочем, чуть не со дня нашей первой встречи я знал, что мой друг Дэвид, или Царь Давид, крепок, как железо, и нежен, как вздох младенца. Что он немногословен и выдержан, что мужества ему не занимать и что он не боится ничего, в том числе и самой смерти. Даже сейчас он был совершенно спокоен.

А вот у меня тряслись губы, мысли путались, а язык заплетался. И все же я пытался говорить, потому что Дэвид готов был каждую минуту потерять сознание. Мне казалось, что, слушая меня, он сумеет сосредоточиться и мобилизовать последние силы.

— Эй, Дэвид! Не спи!.. Ты не должен спать, не должен отключаться. Держись, Дэвид! — Когда это не помогло, я использовал слово, которое — я был уверен — заставит его очнуться.

— Святой отец!.. — позвал я.

Когда-то, еще до того как начать работать на правительство, Дэвид действительно был священником. И даже сейчас, если уж очень его допечь, он порой говорил, что и по сей день остается священником.

Я не ошибся. Устремленный на меня взгляд Дэвида прояснился, а на лице появилось подобие улыбки.

— А я-то все гадал, когда ты наконец появишься, — проговорил он сквозь стиснутые зубы. — Пора уже и тебе что-нибудь сделать... Где, черт побери, тебя носило столько времени?

От крови его подбородок был красным и блестел. И грудь тоже. И живот.

Нет, не так все это должно было закончиться.

С трудом приподняв руку, Дэвид показал на поцарапанный, ярко-оранжевый контейнер типа «Пеликан», который был привязан к консоли управления катера. Дэвид почти никогда с ним не расставался. Он брал его с собой во все свои путешествия, поэтому оранжевый ящик проделал путь уже в несколько сотен тысяч миль. Каждый раз, когда я вспоминал своего друга, мое воображение немедленно рисовало и этот глупый «Рыжий Ап». Ни он, ни я никогда не разговаривали о нашей работе с посторонними, однако Дэвид, если у него было подходящее настроение, мог обронить несколько слов о двух вещах, которые он почитал самыми важными на свете: о хлебе и вине. И то, и другое он готов был защищать с поистине религиозным рвением, поэтому-то в его багаже и появился этот невероятно прочный водонепроницаемый ящик, который Дэвид любовно называл своим «контейнером для завтрака». Никто — ни я и никто другой — никогда не становился между ним и легким перекусом с бокалом вина, которое он предпочитал употреблять на закате. Некоторые любят отметить памятные моменты своей жизни, выкуривая сигару или сигарету. Дэвид отмечал их стаканом вина. Много лет назад он превратил подвал своего дома в самый настоящий винный погреб, куда в обязательном порядке приглашались все гости — полюбоваться на стеллажи с бутылками и продегустировать тот или иной редкий купаж. Со временем Дэвид превратился в самого настоящего винного сноба, который, поднося бокал к свету, слегка раскручивал его содержимое и глубокомысленно замечал: «Вино — это жидкие солнце и земля, заключенные в бутылке».

По моему знаку одна из девушек развязала канат и протянула оранжевый ящик мне. Когда я открыл крышку, Дэвид схватил в руку бутылку и посмотрел на меня.

Он смотрел не просто так — он молча задавал вопрос, на который мне не хотелось отвечать. В конце концов я все же покачал головой.

— Это же ты священник, а не я...

— Перестань. Сейчас не время... Да и времени почти не осталось.

— Но...

Его взгляд, казалось, прожег меня насквозь.

— Но мне... — Я все еще пытался сопротивляться.

— Сначала — хлеб. Потом вино, — с усилием произнес Дэвид.

Я отломил крошечный кусочек хлеба и пробормотал слова, которые слышал из его уст не меньше сотни раз:

— ...Сие есть Тело Мое, за вы ломимое... — Я вложил кусочек хлеба ему в рот. Дэвид попытался его проглотить, но сразу закашлялся. Когда приступ прошел, я откупорил бутылку, наклонил ее и поднес к его губам.

— ...Сия есть Кровь Моя... за многих изливаемая... — Он моргнул, и мой голос снова сорвался. — Сие творите в Мое воспоминание... — Я не договорил.

Еще не сделав ни глотка, Дэвид попытался что-то сказать. Теперь улыбались не только его губы, но и глаза, и я подумал — как же мне будет не хватать этой улыбки. Быть может, больше всего остального. Эта улыбка была обращена к моему сердцу, проникала в самые глубины моей души.

Вино заполнило его рот и потекло из уголков рта.

Кровь с кровью.

Последовал еще один приступ кашля. Я обнял Дэвида за плечи, не обращая внимания на раскачивающие лодку волны. Он сделал вдох. Потом еще один. Собрав остатки сил, Дэвид показал на воду за бортом.